

С наступлением утра брачные крики сверчков окончательно стихли. Сквозь оконную сетку пробивались слабые лучи света, и туманная дымка раннего дня окутывала обнаженные фигуры пары, лежащей на кровати.

В маленьком закутке неухоженной резиденции Ли Мейронга царила атмосфера любви.

Жена государя дремала в объятиях своего мужа, ее нефритовая кожа выглядела явно покрасневшей даже спустя несколько часов после обморока.

Следы, похожие на синяки, на ее коже оставались абсолютным подтверждением вчерашней напряженной деятельности.

С ее частично прикрытых грудей стекал соленый пот, который ритмично поднимался и опускался. Она выглядела умиротворенной во сне, слегка поджав румяные губы. Волосы, слегка влажные, беспорядочно прилипли к лицу, словно темная шаль.

Бай Цинъюэ с нежностью смотрел на спящий сверток в своих руках. Под светом Ли Мейронг казалась еще более очаровательной.

Она была такой крошечной по сравнению с ним. Такой хрупкой. Такой смертной.

И все же эта миниатюрная, хрупкая женщина приняла его всего. Она кричала от наслаждения, когда он поглощал ее, не оставляя ни единого следа, не тронутого и не запечатленного им.

То, как ее тело прижималось к нему, отвечая на каждый его толчок, вызвало в нем редкостное наслаждение.

Одно только воспоминание об этом заставило его мужское достоинство снова выпрямиться.

Словно обладая собственным разумом, эта проклятая штука постоянно твердела до болезненной пульсации без его согласия, когда она была рядом.

Кроме того, он был Богом Небесной Лисицы и принадлежал к клану, известному своим длительным целомудрием. Клан, который проповедовал образ жизни, избавляющий от плотских удовольствий.

Однако, когда дело дошло до нее, Бай Цинъюэ обнаружил, что не способен думать, а только бездумно действовать в соответствии со своими самыми низменными желаниями.

Он хотел, нет, ему нужно было заставить ее выкрикивать его имя. Сделать из нее беспорядок, заронить в нее свое семя. Ему нужно было сделать ее своей.

Поэтому он брал ее снова, и снова, и снова. Каждый раз он опорожнял свою сперму глубоко внутри нее.

Более того, даже когда она умоляла его остановиться, он не внял ее мольбам.

Только когда она потеряла сознание, он наконец остановился.

Ладони Бай Цинъюэ сжались в крепкие кулаки, ногти удлинились, превратившись в когти, впиваясь в кровь, а чувство вины пересилило. Раскаяние мучительно разъедало его внутренности.

Несколько часов назад он положил свою потерявшую сознание жену на кровать, уложил ее под

одеяло и покорно оставался рядом с ней, все это время глядя на ее безмятежно прекрасное лицо. Он спокойно ждал момента, когда она, наконец, очнется ото сна.

Но она не проснулась. Естественно, она была слишком измучена, чтобы проснуться.

Он должен был проявить некоторую сдержанность, это он знал. Он должен был дать ей отдохнуть после того, как они сделали это в первый раз.

А это действительно был первый раз. Он сделал все возможное, чтобы отвлечь внимание Ли Мейронг, пока разрывал девственную плеву, отвлечь ее от боли.

Однако это был и его первый раз, и недостаток опыта дал о себе знать.

Он причинил ей боль.

Неутолимая жажда, дремавшая тысячи лет, заставила Бай Цинъюэ превратиться в безвольного зверя.

Ли Мейронг зашевелилась во сне, выведя его из задумчивости. Она бессознательно прижалась к его телу.

Его сердце стало биться быстрее, словно струна связывала бьющийся орган в его груди с каждым ее неуловимым движением.

Видение, представшее перед ним, ослабило волны горечи, захлестнувшие его.

Уголок губ Бай Цинъюэ изогнулся в слабой улыбке. Прижавшись к нему, жена напоминала маленького безобидного кролика.

Бай Цинъюэ осторожно заправил несколько прядок за ухо Ли Мейронг, стараясь не разбудить ее.

Ему было трудно поверить, что это та самая девушка, которая отвергала его ухаживания, смело противостояла не только бессмертному богу, но и дракону, члену королевской семьи, не меньше.

Это была та же девушка, которая нагло ворвалась в жилище другого мужчины, чтобы избить его до полусмерти.

Та самая глупая девчонка, нет, глупая женщина, ведь теперь она точно была женщиной. Она была той самой глупой женщиной, которая нагло посчитала, что его интересует его собственная подчиненная!

Бай Цинъюэ наклонился ближе к ее шее, вдыхая фруктовый аромат, исходящий от его жены. Ее неповторимый аромат сливался с его запахом, и он знал, что никогда от него не устанет.

Его горячее дыхание заставило Ли Мейронг вздрогнуть, когда она спала. Подстегиваемый ее бессознательной реакцией, он нежно прикоснулся губами к ее точечной шее, в том месте, где он чувствовал сильный прилив крови.

Она издала соблазнительный горловой звук, который не давал ему покоя.

Он стиснул зубы, физическим усилием подавляя свои желания, зная, что должен дать ей достаточно времени для отдыха.

Иногда этот хрупкий человек, чаще всего, доводил его до такого бешенства, что ему хотелось избить ее до потери сознания.

"Хотя..." Бай Цинъюэ сделал паузу и, изменив положение, возвысился над Ли Мейронг. Его губы оказались прямо над ее губами, и он прошептал: "Часто мне хочется ужасно баловать тебя, поэтому я буду единственным, о чем ты сможешь думать".

Ли Мейронг крепко спала, совершенно не обращая внимания на слова Бай Цинъюэ.

Далекий звук приближающихся шагов предупредил Повелителя Лисиц о присутствии посторонних и нарушил нежный момент.

Бай Цинъюэ поспешно завернулся в халат, бросил быстрый взгляд, чтобы оценить состояние спящей жены, и вышел из комнаты.

Как только он вышел, глаза Ли Мейронга широко раскрылись.

<http://tl.rulate.ru/book/19918/2062765>